

Фёдор благополучно обосновался здесь на правах родственника одного из сотрудников.

Соседство с потенциально опасным субъектом требовало от Аль-Хайтама повышенного внимания. Приходилось тратить немало сил, чтобы присматривать за гостем, дабы предотвратить самую возможность резни в стенах издательства. Это вовсе не было преувеличением: Аль-Хайтам ни секунды не сомневался, что и он сам, и Булгаков уже красуются в расстрельном списке Фёдора.

Впрочем, можно было сказать и иначе: Фёдор сам попал под прицел господина В.

Юноша имел дерзость демонстративно раскрывать «Библию» прямо перед носом Воланда. И пусть Фёдор, по идее, не должен был видеть духа, тот все равно расценивал чтение Священного Писания как неприкрытый вызов.

— Это его вера, прекрати вредничать, — в очередной раз урезонив Воланда, Булгаков без сил повалился на стол.

— Почитай лучше это, — Аль-Хайтам бесцеремонно забрал у Фёдора «Библию». Идти на поводу у юноши и позволять ему изводить Воланда он не собирался.

— Хорошо. Поступайте как знаете.

И снова этот кроткий, обезоруживающий вид. Фёдор виртуозно разыгрывал свои козыри: маска слабого, беззащитного ребенка лишала окружающих любых поводов для упреков. Кто бы ни взглянул на него — никто не заподозрил бы неладного.

Положение казалось Аль-Хайтаму щекотливым, однако предпринимать резких шагов он не спешил. Слова слишком эфемерны, а поступки требуют времени. Фёдор, закаленный суровым прошлым, не из тех, кого легко разжалобить или переубедить — у него давно сложилась собственная система ценностей и принципов. Все, что оставалось Аль-Хайтаму, — следить за тем, чтобы мрачные замыслы юноши так и оставались лишь мыслями в его голове, не находя выхода в реальность.

— Я ничего не замышляю, — ровно отозвался секретарь.

Ему хотелось верить, что и Фёдор ответит тем же. В этом простом желании крылся весь его подход: минимум лишних телодвижений, максимум покоя.

Подобное хладнокровие лишь убеждало Фёдора в том, что его визави — загадка за семью печатями. Каждая реакция Аль-Хайтама ломала привычные шаблоны. Фёдор ожидал, что после первых же трений его попытаются изолировать от Булгакова, но секретарь держался

подчеркнуто отстраненно, словно происходящее его едва касалось.

— Да будет так, — тихо прошелестел Фёдор.

Пока не перейдена черта, их негласный пакт оставался в силе. Юноша умолк, вновь превращаясь в тихую, хрупкую фарфоровую куклу, украшающую комнату. Повернув голову, он заметил, что у дверей бесшумно вырос Булгаков.

Вошедший в помещение гость мгновенно приковал к себе взгляды присутствующих. Прямая, как струна, осанка делала его и без того высокий силуэт еще более внушительным. Он ступал тяжело, но уверенно, выверяя длину каждого шага с математической точностью.

Господин в превосходно скроенном пальто остановился перед мадемуазель Полиной и сдержанно поклонился.

— Здравствуйте. Позвольте представиться: Лев Николаевич Толстой.

Это и был тот самый долгожданный гость, о котором велись разговоры в последние дни, — влиятельный покровитель, коего до глубины души тронула повесть Сережи и который теперь горел желанием помочь издательству с распространением тиража.

— Мадемуазель Полина, могу я узнать, где сейчас находится автор этого труда? — граф указал на обложку, где красовалось звучное имя: «И. С. Тургенев». На его губах промелькнула грустная, понимающая усмешка. — Много лет назад мы крупно повздорили с одним близким мне человеком. Остыл я нескоро, а когда раскаялся и захотел просить прощения, оказалось, что все нити утеряны. И вот теперь мне в руки совершенно случайно попала эта книга.

В памяти Льва Николаевича живо воскрес день, когда он объезжал свои угодья в Ясной Поляне.

Двое крестьян, завидев барина, приветливо поклонились и протянули ему чистый, бережно обернутый прямоугольный сверток. Граф узнал их — то была супружеская чета, с которой он не раз бок о бок трудился на покосе.

— Сынишка наш, что в городе учится, гостинец привез, — смущенно улыбаясь, проговорил тогда глава семейства. — Сказал, вам, ваше сиятельство, точно по душе придется.

Простодушные родители, запинаясь, принялись пересказывать слова сына, значения которых сами толком не понимали. Они толковали о том, что книжка эта наделала много шуму в столице, что благородные господа кричат, дескать, сие сочинение порочит их честное имя. Однако их грамотей-сын посчитал повесть выдающейся и умолял передать ее на суд человеку, которого почитал превыше всех.

Лев Николаевич давно не покидал имения и мало интересовался столичными сплетнями, однако рассказ крестьян разжег в нем любопытство. Он принял дар, вернулся в усадьбу и тем же вечером углубился в чтение.

Повесть оказалась небольшой — не чета его собственным будущим многотомным фолиантам. Да и сюжет не баловал крутыми поворотами: история обыкновенного барича, который после неудач на любовном и гражданском поприще ушел в бесплодные умствования, не в силах вырваться из плена собственной рефлексии.

Толстой не понимал, отчего критики исходят желчью, — ведь автор лишь честно запечатлел правду жизни. Но правда — гость нежелательный. В пылу бесконечных споров само понятие истины превращается в разменную монету, в орудие для достижения победы одной из фракций.

Читатели, узнав в герое себя, яростно обрушились на книгу с нападками — лишь бы доказать собственное превосходство, откреститься от сходства с жалким «лишним человеком». Стоило первому критику брызнуть ядом, как хор голосов подхватил обвинения. Вскоре поднялся такой гвалт, что редкие ценители просто побоялись подать голос в защиту автора.

А ведь на деле каждый из хулителей сам являл собой точно такого же «лишнего человека». Книга же оставалась всего лишь бумагой с чернилами, обреченной тихо покрываться пылью на полках, если бы не этот случай.

Лев Николаевич сразу узнал почерк своего старого, непутевого и мятежного друга. Тот всегда отличался склонностью к самобичеванию, беспощадным скепсисом и полным пренебрежением к последствиям своих обличительных речей. Годы идут, а упрямец ничуть не изменился — все так же держит удар и не гнетса под лавиной грязных обвинений.

Договорив до этого места, граф умолк. Набежавшие воспоминания, видно, ранили его душу, и он заметно помрачнел.

— Простите, ваше сиятельство, но я не могу нарушить его покой. Он настоятельно просил не тревожить его, — мадемуазель Полина ответила мягко, но твердо. Даже искренность графа не заставила ее поступиться словом, данным Ивану Сергеевичу.

— Что ж, это справедливо, — без тени обиды кивнул Толстой. — Тогда перейдем к делу, которое не терпит отлагательств.

Он заговорил об условиях сотрудничества, да столь щедрых, что у хозяйки издательства перехватило дыхание. Граф выказал готовность полностью взять на себя расходы по содержанию предприятия, желая поставить дело на широкую ногу.

— Поначалу мной двигало лишь упрямство и желание доказать свою правоту, — тихо призналась Полина, решив без прикрас обрисовать положение дел. Она честно предупредила

благодетеля, что предприятие вряд ли когда-нибудь принесет доход — ее идеалы слишком расходились с законами рынка. До сих пор она покрывала убытки из собственного кармана, относясь к издательскому делу скорее как к дорогому сердцу увлечению, от которого не намерена отказываться.

— Я и впредь намерена публиковать труды лишь тех авторов, чьи помыслы чисты и серьезны. Такие книги не назовешь ходовым товаром. Боюсь, вы лишь потеряете свои средства.

Договорив, она замерла, ожидая приговора.

— В таком случае мое решение лишь укрепилось! — Лев Николаевич на миг опешил от подобного бескорыстия, но затем громогласно, раскатисто расхохотался.

Забиться он о выгоде, разве стал бы собственноручно пахать землю бок о бок с мужиками в своем имении?

— Мое единственное условие... позвольте мне взглянуть на рукописи Ивана Сергеевича.

Граф явно жаждал соприкоснуться с подлинными черновиками друга, чтобы по наклону букв и росчеркам пера унять грызущее душу беспокойство.

Полина не нашла в себе сил отказать гостю, который и так умерил свои притязания. Она достала из стола папки со всеми четырьмя редакциями рукописи и бережно передала их графу.

Лев Николаевич опустился на софу рядом с притихшим Фёдором. Мебельное изделие не отличалось простором, однако щуплый юноша занимал так мало места, что богатырская фигура писателя ничуть его не стеснила.

И если Фёдор со своей хрупкой бледностью напоминал старинную миниатюру в изящном окладе, то сидевший подле него Толстой казался вырубленным из скалы титаном. От всей его осанки, даже в минуты полного покоя, веяло первозданной, неодолимой силой и врожденным величием.

Соседи обменялись безмолвными, оценивающими взглядами. Лев Николаевич едва заметно склонил голову, приветствуя отрока.

Внутренний голос Достоевского внезапно встревожился. Вернее, даже не голос — сама его способность, «Преступление и наказание», почуяла неладное. В груди ворохнулось глухое, лихорадочное беспокойство, требуя немедленно расправиться с угрозой или бежать без оглядки.

Юноша нахмурился. Наваждение схлынуло так же внезапно, как и нахлынуло: голос притих, а круживший поблизости Воланд куда-то испарился. Фёдор вскинул взор на своего соседа, но

наткнулся лишь на суровый, погруженный в чтение профиль.

— Что-то не так, голубчик? — уловив краем глаза шевеление, Толстой повернулся к нему. В его тоне не было строгости, однако пронзительный, видящий насквозь взгляд заставлял любого невольно сжаться и усомниться в чистоте собственных помыслов.

— Нет... ничего, — Фёдор поспешил взять себя в руки и погасить удивление.

Оглянись он в этот миг назад, непременно заметил бы, что Аль-Хайтам и Булгаков тоже не сводят с величественного гостя напряженных взглядов.

Мимолетное оцепенение рассеялось. Все четверо вернулись к своим делам, и в комнату вновь вернулся привычный, сонный уют.

В соседнем покое мадемуазель Полина спешно набрасывала строки письма, адресованного Ивану Сергеевичу. Перо скользило быстро, но почерк оставался безупречно каллиграфическим, ровным. Рука пишущей прикрывала начало послания, оставляя открытыми лишь лежащиеся на бумагу строки:

* «... Я сочла своим долгом известить вас о визите господина Льва Николаевича Толстого. Он уверяет, что некогда вы были близки, и отыскал меня, ведомый лишь вашей новой повестью. Единственное его желание — встретиться с вами вновь и принести свои глубочайшие извинения за давнюю размолвку. Помня о вашем нежелании принимать гостей, я ответила ему категорическим отказом. Тем не менее, утаить от вас этого происшествия я не могла. Мне неведомы тайны вашего прошлого, равно как и то, насколько правдивы его речи. Но как свидетель я могу утверждать одно: говорил он с величайшим чувством, а во взоре его не было ни капли фальши...»*

Завершив письмо, Полина с облегчением вздохнула. Она дождалась, пока чернила окончательно высохнут, бережно сложила лист и запечатала конверт сургучом. Отправить послание она решила позже — как только уляжется суeta и граф покинет стены издательства.

<http://bllate.org/book/18256/1755704>